

ПРОТАСОВА Е.Ю.

г. Хельсинки, Финляндия

УДК 81'23

DOI 10.26170/pla20-01-10

ПОЛИФОНИЯ МНОГОКУЛЬТУРНОГО ТЕКСТА

Аннотация. Под многокультурной литературой подразумеваются тексты о людях различного лингвистического, этнического, культурного, религиозного происхождения, написанные часто каким-то образом особыми авторами, которые фокусируется на ситуациях, где различные человеческие проблемы возникают при разнонаправленных столкновениях. Живущие рядом русскоязычные граждане, возможно, не различают, кто существует в их ближайшем соседстве, и игнорируют изобилие опыта, с которым они могли бы познакомиться, если бы читали литературу, написанную иммигрантами. Наринэ Абгарян – армянская писательница, создающая свои книги на русском, и многие иммигранты, оказавшиеся в России, могли бы солидаризироваться с ее опытом. В ее произведениях есть уникальная атмосфера подлинной локальной истории в маленькой горной деревне в Российской империи и Советском Союзе, где встречаются культуры, а соответственно, и языки в ее текстах.

Ключевые слова: языковой контакт, креативная многокультурность, смешение кода, переключение кода, иммигрантская литература, полифония текста.

PROTASSOVA EKATERINA

Helsinki, Finland

POLYPHONY OF A MULTICULTURAL TEXT

Abstract. Multicultural literature means that it is about people from different linguistic, ethnic, cultural, religious backgrounds, is often written by somehow specific authors, and focuses on the situations where diverse human problems arise from multidirectional clashes. The co-living Russian citizens maybe do not discern who subsists in their close proximity and ignore abundance of experience that they might learn about if they try to read the immigrant literature. Narine Abgaryan is an Armenian writer who creates her books in Russian, and many immigrants to Russia can connect with her experience. Her works have a unique atmosphere of a real local history in a small mountain village back in the Russian Empire and Soviet Union

where cultures met and so do languages in her texts.

Keywords: language contact, creative multiculturalism, code-mixing, code-switching, immigrant literature, text polyphony.

В советское время особенностям нативизации повествования в художественных текстах уделялось большое внимание. Признаки особого русского языка назывались экзотизмами и варваризмами. Слово имеет особую роль, включаясь в ткань текста, создавая возможность языковой игры [Гридина 2018], в том числе и когда это слово по своему происхождению инородное. Смешение и переключение кодов в художественном тексте способствуют речевой характеристике героев, раскрывают их происхождение и демонстрируют разнообразные возможности речетворчества [Gardner-Chloros, Weston 2015, Weston, Gardner-Chloros 2015]. Этот потенциал создает особую перспективу инокультурности, игры на гранях различных традиций [Снигирева, Снигирев 2014а,б]. Создание местной атмосферы, включение в ткань повествования различных локальных признаков популярны и сейчас, когда на русском языке пишут о жизни в других странах, а также о судьбе мигрантов в русскоязычной среде. И то, и другое связано с употреблением особого русского языка, окрашенного влиянием иного языка, находящегося с ним в контакте. Такие случаи рассматривались нами в работах [Протасова 2012, 2013, 2015].

Книга Наринэ Абгарян (родившейся в селе Берд) «С неба упали три яблока. Люди, которые всегда со мной. Зулали», пожалуй, роман, наиболее замысловатый в интересующем нас аспекте языка. Действие происходит в основном в высокогорных армянских деревнях на границе Армении и Азербайджана (в первом романе в селе Маран (анаграмма) говорят на маранском), иногда в Кировабаде или Москве. Повествование сопровождается экскурсами в историю Закавказья (из историзмов можно упомянуть мусаватистов, пришедших к власти в Баку). О репатриантах из Европы, США, Ирана, Сирии и Ливана, например, говорится: «Первое время им приходилось очень тяжело – они бегло говорили на западноармянском, английском, французском, греческом, персидском, турецком и арабском, но слабо владели восточным армянским, а уж бердский диалект не пони-

мали вовсе» (с. 275). Наиболее частые заимствования, по-видимому, должны быть из русского, азербайджанского и персидского (если идти вглубь истории); заметны и тесные связи с Грузией.

Влияние других культур сказывается в описываемой обстановке, в мышлении персонажей, в формулах обмена репликами. Наиболее очевидным свидетельством становится употребление слов иного языка, обычно в кириллической транслитерации, редко в армянском алфавите (дается цитата из Г. Нарекаци «Слово к Богу, идущее из глубин сердца» на грабаре, вытканная по краю ковра). Многие переводы даются автором в сносках (*Цавд танем* «возьму твою боль») или в тексте (например: дети разгоняют жучков, которых у них называют «турки затик» – «турецкие божьи коровки»), «черные кирпичики хлеба – в народе его почему-то называли «клуч»»). Некоторые понятия поясняются намного позже, чем встречаются в тексте, или вообще в другом произведении, а некоторые не всегда все в конце концов переводятся (*минтана*, *схтор*, *карас*, *алабай*), как *Ес ко тиродж меры!* Реплики во время детской круговой игры описаны и по-русски, и по-армянски (в армянском алфавите и с переводом).

Некоторые области жизни требуют естественным образом употребления специфических слов, потому что не имеют аналога в русском. Так, это *одежда*: *гула* – толстые вязаные носки, используется как множественное число без изменения формы, *трех* – крестьянская обувь, похожая по форме на лодку, с поднятым носом; *шалвар(с)* – брюки, *архалук*, *минтана*, *тумбан*; у шафера на *шляпке* лисий хвост (знак хитрости). Без специального названия упоминается «головной убор – небольшой, круглый, плоский». *Еда*: *мацун* – «кисломолочный продукт, напоминающий вкусом простоквашу» (авт.), *камац мацун*, *лаваш*, свадебная пахлава на орехах и меду с монетой на счастье, *бастурма*, *суджух*, *спас* – «кисломолочный суп на пшеничной крупе, летом его едят холодным, зимой горячим (авт.), *сали* – слоеные лепешки с сахаром (авт.), «сали нужно есть горячим», *ариса* – пшеничная каша с мясом, (авт.), *ципул* – подсушенные ломтики картошки, *женгилов хац* – «лепешки с зеленью», похиндз – «мука из обжаренной пшеницы» (авт.), «Когда хлеб залежится, она варит из него кончол – деревенский хлебный суп на жареном

луке», *гата*, *кркени* – гата к важным событиям («На сладкое определили кркени – специальную гату, которую пекли исключительно в золе и подавали к столу по самым важным датам» – с. 180), *хохобе* из индюшатины (блюдо из мяса птицы, лука и гранатового зерна, авт.; далее подробно описывается порядок выпекания одного теста в другом), *хашлама* из говядины, омлет по-персидски – с луком, мятой, сыром, черным перцем, *цогол* – незрелый абрикос, едят с солью; *дзавал* – «пшеничная крупа», каша из нее – *кашика*, одно из обязательных блюд на Пасху (как и «прошлогодня зрелая брынза в сушеных горных травах, паштет из шпината и красной фасоли, отдающее пахтой сливочное масло» и т.п.); *кчахаиш* – осенняя каша из кукурузы, фасоли и полбы с соленой капустой.

Сюда же относятся и **растения**: сиреневые цветы *лалазар*, оставляющие пятна, как и грецкие орехи, пастушья сумка пахнет брынзой, «поэтому в народе это растение называют “хлеб и сыр”», *авелук* – конский щавель: листья заплетают в косички, просушивают, хранят в холщовых мешочках, отваривают, тушат с жареным луком, поливают схтор-мацуном, едят с хлебом и брынзой, на праздник посыпают гранатовыми зернами и тертым грецким орехом; *женгял* – разнотравье; во время тумана из просвиряка варят суп, заправляют схтор-мацуном, крошат туда горбушку; *репный щавель* и *купена*, «называемые там, на родине предков, *синдруком* и *шушаном*, закуска из *гипомаратрума*, «нельзя собирать *портулак* на картофельном поле, там он ядовитый»; *котем* – водяной салат, вид зелени. Сообщается, что часть незрелых орехов (под грецким орехом нельзя спать – можно не проснуться) идет на варенье; перегородки от спелых орехов собирают в толстостенные стеклянные бутылки, заливают тутовкой, оставляют в темном погребе на месяц и лечат настойкой желудок: скорлупой топят. Говорят о привычках питания: заесть горячий фасолевый суп маринованной купеной и полукругом домашнего хлеба; «Меню на поминки строгое и безыскусное, никаких легкомысленных салатов или солений»; для роженицы нужен пирог с тархуном, малосольная брынза, перченая мясная закуска, сладкий хавец – блюдо из пшеничной муки; хлеб готовят на закваске, а не на дрожжах. Упоминаются алычовый компот, запеченный с сушеным кизилом гусь, салат из от-

варного куриного мяса с толчеными грецкими орехами, жареные ломти малосольной брынзы в кляре из кукурузной муки и белого вина.

Собственные имена представлены разными группами культурно-специфических обозначений. **Географические названия:** Маниш-кара, Хали-кар, деревня называется Салори (от *салор* – слива), потому что там много терносливы. **Имена** полные, краткие, говорящие, прозвища и фамилии, образованные от русских слов и выражений: Ано, Назели, Ясаман, Татевик, Шушаник, Шаракан (Шаро), Сатеник, Вардик, Воске – золотая, Дереник (Деро), Майрануш «нежная мать» (Мамида), Мачуча, Акоп, Петрос, Сарибек, Оваким, Амаяк, Тигран, Ашхарпет («владыка мира», за глаза – птичий поильник), Севоянц (*сев* – «черный»), Анеса за глаза называют Топал (хромой) (с. 479). Есть и обычные православные имена: Анатолия, Василий (Васо), Витька, несколько отличные варианты: Тамар, Закар, обрусевшая фамилия Мелькумов. С качестве особенности речи можно упомянуть, что сначала пишется фамилия, потом имя: Агулисанц Гарегин, Петинанц Сурен, Шалваранц Оганес, Немецанц Мукуч, Якуличанц Магтахинэ, Кудаманц (на диаклекте «отдам»), Ейбоганц (от *ей-богу*) Валинка, Аваканц Маро, Крнатанц Меланья, Василянц Катинка, Макаранц Софа. Встречается и аналогия армянскому имени: *Киракос* – *Кирилл*.

Культурная специфика проявляется и в **родственных обозначениях:** *айрик* – отец, *бабо Манэ*, *бабо Софа*, *Зоя тетя*, *Мухи-дайи*, *Само-дайи* (дядя), *Меликанц-зять* (зять семьи Меликанц), *лао* – сынок (на западноармянском), «Папа рассказывал, что люди его звали не Василием, а Пашо – сокращенное от слова «пашахусти» – неумный. А нашу семью называют Пашоянц – род неумного. Папу – Пашоянц Петрос, маму – Пашоянц невестка Вера. Тату – Пашоянц Тата, деда – Пашоянц зять Оваким. А меня – Пашоянц внучка». В семейном обиходе есть бабушка *тати*, прабабушка *нани*, прасвекровь, пратеща, *пап* /*пати* /*пати*к – дедушка, *апупап* – прапрадед (сокращенно *апи*). Кроме того, распространены особые **обращения:** прибавление *-джан* («душа моя») в обращении встречается после имени, как *Капитон-джан*, *Вано-джан*, *Володя-джан*, *Юр-джан*, в том числе *Господь-джан*, собака *Патро-джан*, осел *Сето-джан*. Своеоб-

разно обращение Джигяр-балам – Дитя – душа моя (авт., с. 355). Священник тер Азария (обращение: *тер айр* – святой отец), владеец поместья Аршак-бек, местный князь Левон-бек и мелик Левон – князь, *уста* – мастер, а также уважительное обращение к старшему: уста Само, уста Амбо, уста Саро. Этнически окрашено «Ай кник, пох чка!» (Женщина, денег нет!, авт., с. 705).

Следующую лексическую группу мы обозначаем как **вещи**: *мутака* – продолговатая диванная подушка, склоняется, *тонир* – печь, *чипот* – палка для выбивания шерсти, (глиняный) *карас* («чуть все карасы не перебила»). Без специального названия упоминаются специфические реалии: ребенок спит в привязке из большой клетчатой косынки; большая конусообразная дубовая бочка с широким днищем и узким горлом, желтопузые осы – «ослиные пчелы», *чибух* – трубка, *фаэтон*, *карпет*, *пукул* – мужской половой орган; в примечании объясняется, что «*Хурджин* – разноцветная сумка из ковровой ткани, состоит их двух «карманов-хранилищ». Перекидывается через плечо». *Вортан кармир* – кошениль, краска для ковров. *Технахундж* – ковер традиционной окраски со знаками и символами. Двойное обозначение на двух языках: балкон-*шушабанд*, позже просто *шушабанд*, а потом выясняется из авторского примечания, что это

застекленный балкон, канатоходец-*кяндрбазчи*. К ней примыкает группа **реалий**: *мейдан* – центральная площадь в небольших населенных пунктах, место, где собирались люди; сакля; способ делать мастику для пола из навоза и глины, креститься слева направо – от сердца. Вес измеряется в *граваканах* (408 г), например, *гравакан изюма*, *три гравакана топленого масла*, но ведро картошки. Существуют правила обмена животных (корова = лошадь, годовалый бычок (*мози*) = две овцы и т.п.). *Хамса* – от арм. *хамс* «пять», объединение княжеств. Церковь *Мец Жам*. *Шаи* – дурачок. В разрушенной часовне на стенах «полустертые молитвы на староармянском – грабаре», там могут укрываться от грозы животные. *Гампр* – армянский волкодав, индогенная порода собак большого размера. *Карктик* – игра в камушки. «Чанг – это крохотное, величиной в носовой платочек, облако», превращающееся в покрывающий всю землю туман. «Время было раннее энбашти, петухи еще не кричали» – отрезок раннего утра от 3 до 6 часов, «страшное время», когда чаще все-

го умирают люди. Хачкар – крест-камень на кладбище. Узоры на подпорках веранд (чаши, кресты, солнечный диск). *Оровел* – песнь пахаря. Есть даже специфическое психическое состояние *жимажанка* – болезнь сумерек, «тяжелая форма депрессии» (авт.). Цветоносная неделя – неделя перед Вербным воскресеньем (авт.). Названы **музыкальные инструменты**: *зурна, доол, дудук*.

Несмотря на принадлежность народа к христианству, есть и особая **мифология**: *аждаак* – великан (молнии – их копыя), у Небесного царя четыре таких сына с именами «*Аревелк* – восток, *Юсис* – север, *Арав* – Юг, *Аревмут* – Запад»; злой *дэв* Аслан-Баласар, колыбельная о грибном дожде и волчице, родившей семерых волчат, о дереве с райскими птицами; семикрылые ангелы и темные *дэвы*. окончание сказки: с неба упали три яблока, «одно тому, кто видел, другое тому, кто рассказал, а третье тому, кто слушал и верил в добро». «Шайтан с ними», илиштрак – демон на местном диалекте, восемь кувшинов с ветром по краям горизонта, которые открывает бог; приметы (поцеловать в ладонь – забрать год жизни, поставить сверху крест – вернуть с добавлением года). По-своему звучат и **благословения**: «Пусть моя нога добром ступит на твой порог!... Сладкое принесла, чтобы твое дело легко шло! ... Пусть твои руки никогда не узнают усталости, а глаза – слез! Пусть дни твои будут счастливы, как ночь перед праздником! Пусть в окна твоего дома всегда светит солнце, а беда обходит его стороной!». Объясняется обряд возжигания ладана на могиле или у изображения усопшего в железной чаше.

Ткань повествования украшена **междометиями**: *Охай!* (довольный возглас, сопровождающий каждый глоток чая), *Охааай!* – обращение к богу, *вуй* – ужас, *вайме* – сожаление, опасение, *уй?* – удивление, *буэ* – отвращение, *Кхм!* – перебивают говорящего, *угум* – согласие, *тьху!* – тьфу, *цо-цо* – говорят, подгоняя стадо, *Цо! Цо!* – ослика, коров. Осел говорит *пхр, пхфр*. Диалог: *Васо, ай Васо!* – *Хм, Нато-джан!*, то же в обращении: *Нани, ай нани, Шмавон, ай Шмавон*. *Пишиши* – тяжелый вздох *столетнего старика*, *Пха-пха-пха* – полотенца и простыни, сушащиеся на ветру, *рури-рури* издают сверчки. *Люди, эли, взды-*

хает нани; *Дерево, эли. Ахчи Епиме.* Заклинание знахарки: *Чор, вах, брахи эс рехин, кпи халхи карин, халхи чорин, халхи вахин.*

Отмечены и иные влияния: *смёртное* – русское диалектное слово, обозначающее одежду, приготовленную для похорон. Жест выставленного мизинца – кукиш. Наказание – крутить уши, отлупить палкой для выбивания шерсти. Непонятное влияние: *Волгловзглядый и мерзкий* – о голоде.

Азербайджанские вкрапления, к которым нужен перевод героиням, не все из них знают язык, хотя живут в Азербайджане много лет: *Гял бура!* (подойди ко мне), *Иншалла – дай бог, Адын няди?* (Как тебя зовут?), *сырдак* (баклажаны с помидорами), просто упоминаемые: *яхшы гыз, Ай хала!, Ал, Успокойтесь, ай хала, Гёзал армени* (Красивая армянка, авт.). Диалог русской женщины с азербайджанской торговкой: *Ничяди?* (Сколько стоит, авт.), *Бир манат! – Рубль? Чего так дорого?* Разговор с соседом: *Здравствуйте, Джаббар-киши. – Ассалям алейкум, гезал гыз* (авт: красивая девочка).

Помимо собственно заимствований, полифония образуется и **искаженной русской речью**: *шляпка* (=шляпа), *Наз-стас-йа, Тушкин и фамилия Тушкинаниц* (вм. Пушкин), *турма, хрустал чехский, ... а вот этот финдиклеи – она указала корявым пальцем на сине-белый расписной чайник – жжел!, тьюль, Энгелс. Я со своим скоростем сама справлюсь; рост сорок девять сантиметр; Говорю – здравствуйте вас, Татиана Валдиславовна, как ваше дела, Татиана Валдиславовна, как здоров, Татиана Валдиславовна.* В речи пьяного человека в *вихатной*: *Арамансичем бил, есть и буду!*, рифмы на русском: *Лигушка – битый кружка; У птицы гуси – белый труси!*; *Кому грязь, а кому алмаз!* Дается пояснение: «Дело в том, что в национальных школах русский язык начинали изучать во втором классе. В первом классе изучали родной язык, во втором – русский, а с четвертого подключался иностранный, который, в отличие от родного и русского, в советских школах преподавался из рук вон плохо». Героиня не может запомнить русскую букву И, которая похожа на армянскую С.

Есть также особый разряд **выражений, примечательных своими культурными нюансами**: *С бровей аж захрмар* (персидски – змеиный яд) *капает!* – почтение к сильному мужу-

чине, сопровождается цоканьем языком; *Захрмар!* (от «захре мар», фарси – ругательство). *Сыпать абанаматами*. Ругательство на армянском алфавите: *Хмм, увидеть бы дьявола на твоём лице, машаллах, Чтобы их Бог услышал мои слова!, Напугали черта угольками»; Утром роса выпала такая, что хоть горстями черпай*. Муж – жене: *Чайник ты снимешь с огня или мне можно подойти?; Восемьдесят пять лет, а ума с собачью кашку!; и даже кивком в сторону их дома мы не унизимся – говорит героиня, кивая на чужой дом. Пусть моя земля будет на твоей голове!* (проклятье). «Чины не отвалятся, если немного полежишь» (уговаривают ребенка лечь отдохнуть). *Твоему апетиту – укус!* (соответствует русскому «губу раскатал», авт.); *река не всякий раз бревно приносит*. Подмывает аж до чесотки в лопатках. Угроза, не терпящая возражений: *Будешь делать мне мозг – два мешка принесет! Упрямый, как ишак; шелудивый щенок; локоть улицы, локоть тахты*. Дети обсуждают, что турецким называют либо все плохое, либо ядовитое, что нужно уничтожить, либо то, что нельзя, а человеческий язык противопоставляется турецкому. Слова: *Посмотри, это турки ударили о проломленной голове бабушки – даются в армянском алфавите*. Подчеркивается родство: *вся в своего отца, сын своего отца*. Еще примеры: *если остановиться, можно испугаться того, что задумал; - Ну сколько ты покушал? Ерунды какой-то покушал и все! – Мне достаточно. – Достаточно-мостаточно, не знаю* (типично восточное повторение с заменой первого согласного слова звуком м). *А ну-ка быстро метнулись в погреб!* (т.е. сходили в погреб за чипотом), *ржаво отозвалась*.

Часты обороты со словом *смысл*: *Смысл гадать, зная людскую породу?, Смысл братья за основательное?, смысл звать Витьку, если он спрятался?, Смысл так возиться, Смысл так убиваться?, Смысл роптать, когда ничего уже не изменишь, Смысл звонить, если и так все ясно, Смысл бросать [курить], когда их близких остались только..., Год рождения трогать не стали – смысл?*

Автору вообще интересны иные культуры. Так, в рассказе «Хаддум» о берберях описываются обычаи этого народа. На берберском языке дается название месяца *джумад аль-уль*, почтительное обращение к мужчине *мулаи*, поездки в хадж, чтение

прощальной молитвы шахада, упоминаются французские манифики, оценивается: *Говорили они на царапающем марокканском наречии, плохо понимая шуришащий берберский язык бабушки, потому общение сводилось к общим фразам.* По-гречески говорят, умирая, *Эрхоте се сас. Як тебе иду.* Аари – гора и название племени горных берберов. Одежда галабея, краской лавсонией наносится татуировка женщинам на ладони и ступни к праздникам. Ругательство *иблис*. Кошка говорит *Моу!* Шутка о трудоемкой процедуре приготовления куропатки в марокканской кухне: ее начинают кускусом, а дальше ею начинают курицу, сверху гуся и т.п., заканчивая слонем, потом все готовится сутки, затем вынимается куропатка.

В настоящей статье заимствования разных уровней видны в концентрированном виде, однако на самом деле они не слишком частые. Несмотря на это, они все-таки создают особый колорит, погружают в атмосферу, равно как и описания природы, быта, характеров людей и судеб. Можно сказать, что проза получается национально окрашенной, транслирует особое мировоззрение, сдобрена юмором и самоиронией.

Представляется, что в наше время, характеризующееся активным взаимодействием народов и культур, приемы переключения и смешения кодов в художественной литературе неизбежны. Авторы могут пользоваться ими в разной степени удачно, играя с языком в межкультурном контексте на всех уровнях языковой системы.

Литература

Абгарян Н. С неба упали три яблока. Люди, которые всегда со мной. Зулали. – М., 2017.

Гридина Т.А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива. 2018, № 4. – С. 270–281.

Протасова Е.Ю. Многоязычие в русских текстах // Вариативность в языке и коммуникации / Под ред. Л.Л. Федоровой – М., 2012. – С. 259–286.

Протасова Е.Ю. Переключение кода в современной русскоязычной художественной литературе // Речевые жанры современного общения. Одиннадцатые Шмелевские чтения (23-25 февраля 2015). – М., 2015. – С. 122–124.

Протасова Е.Ю. Проблема многокультурности в художественном тексте // II Международная научная конференция «Судьбы националь-

ных культур в условиях глобализации». Т. 2. / Под ред. В.Г. Будыкиной. – Челябинск, 2013. – С. 221–224.

Снигирева Т.А., Снигирев А.В. Доказательство «от противного»: Россия в романах Б. Акунина // Известия Уральского федерального университета.

Серия 2. Гуманитарные науки, 2014а. Т. 16, № 2. – С. 67–72.

Снигирева Т.А., Снигирев А.В. «Плохой русский» в романах Б. Акунина // Лингвистика креатива, 2014б, № 3. – С. 233–252.

Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature: International Journal of Stylistics, 2015, No 24(3). – P. 182–193.

Weston D., Gardner-Chloros P. Mind the gap: What code-switching in literature could tell us about code-switching // Language and Literature: International Journal of Stylistics, 2015, No 24(3). – P. 194–212.

©Протасова Е.Ю., 2020

Протасова Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия).

Адрес: 00660, Финляндия, г. Хельсинки, Unioninkatu, 33В.

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Protassova Ekaterina – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the University of Helsinki (Helsinki, Finland).